

Глава из нашей книги «Подвал мастера. М.А. Булгаков: поэтика и культурный контекст» (М., 2018). По техническим причинам в данной публикации оказались названы не все булгаковские и гоголевские персонажи с «двойными» именами и неверно указано их количество. Представляем текст в исправленном и несколько сокращенном виде.

ТАУТОНИМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.А. БУЛГАКОВА

Среди множества поэтонимов русской литературы особую группу составляют случаи, когда наряду с личным именем указан тождественный ему патроним, отчество – например, Сергей Сергеевич Скалозуб в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», Максим Максимыч в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова, гончаровский Илья Ильич Обломов, Петр Петрович Белокуров в рассказе А.П. Чехова «Дом с мезонином», палач с таким же именем в романе В.В. Набокова «Приглашение на казнь» и пр. Для обозначения подобных «удвоенных» имен в русской ономастике существует термин таутоним [см.: Пеньковский 2004: 331; Подольская 1988: 124]. Наша цель – систематизировать булгаковские таутонимы и по возможности объяснить логику их функционирования в произведениях писателя.

«Удвоенные» имена у Булгакова – особый прием [см.: Яблоков 2001: 226], обусловленный, в частности, влиянием Н.В. Гоголя [см.: Кондакова 2001]. Таутонимы присутствуют в 15 булгаковских текстах; нами обнаружено 26 соответствующих именовании¹ (все персонажи – мужского пола), среди них 23 – «авторские», два – «унаследованные» (перешедшие в инсценировки из произведений Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого), а одно принадлежит «неопределенному» персонажу, чье имя отсылает к неназванному, но узнаваемому тексту.

Для удобства изложения двинемся в «обратном» порядке: начнем с последнего случая, когда в сознании персонажа возникает «чужой» таутоним (причем присутствует и «одноименная» фамилия). Имеется в виду повесть «Записки на манжетах», где герой-рассказчик вспоминает «Ивана Ивановича Иванова» [1: 434²]. Ближайшая ассоциация здесь – тематический номер журнала

«Сатирикон» (1913. № 34), целиком посвященный этому условному обывателю; «эмблематический» персонаж с тем же именем и похожим смысловым «ореолом» фигурирует в романе А. Белого «Петербург» (1913) [см.: Белый 1981: 205].

Образ Ивана Ивановича Иванова возникает во второй части «Записок на манжетах», когда прибывший в Москву герой по дороге с вокзала вместе со случайной попутчицей, курсисткой-медичкой, заезжает к ее отцу, чтобы разгрузить целый воз доставленных с поездом продуктов. Отец курсистки, в голодное время не имеющий проблем с продовольствием, мыслится как живой персонаж сатирического журнала 10-летней давности: «Ни грозы, ни бури не повалили бессмертного гражданина Ивана Иваныча Иванова. <...> Будут еще бури. Ох, большие будут бури! И все могут помереть. Но папа не умрет!» [1: 434–435].

Однако, ожидая, пока разгрузят чужие продукты, герой разглядывает висящую напротив «папиного» подъезда афишу с заглавием «Дювлам»: «Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского» [1: 434]. Заметим, что в названии этого состоявшегося 19 сентября 1921 г. [см.: Литературная жизнь 2005: 168] поэтического вечера было случайно либо намеренно пропущено существительное со значением «деятельность» («работы», «творчества» и т.п.), поэтому создается впечатление, будто речь идет о дне рождения мальчика-подростка. Развивая словесную игру, Булгаков «прибавляет» число 12 с афиши к реальному возрасту поэта, которому осенью 1921 г. было 28 лет, – возникает карикатурный инфантильный мещанин «Маяковский», напоминающий непотопляемого «папу»:

Он лет сорока, очень маленького роста, лысенький, в очках, очень подвижной. Коротенькие подвернутые брючки. Служит. Не курит. У него большая квартира, с портьерами, уплотненная присяжным поверенным, который теперь не присяжный поверенный, а комендант казенного здания. Живет в кабинете с нетопящимся камином. Любит сливочное масло, смешные стихи и порядок в комнате. Любимый автор – Конан-Дойль. Любимая опера – «Евгений Онегин». Сам готовит себе на примусе котлеты. Терпеть не может поверенного-коменданта и мечтает, что выселит его рано или поздно, женится и славно заживет в пяти комнатах [1: 434].

Дополнительным стимулом к отождествлению Маяковского с «Иваном Ивановичем Ивановым» служит то, что поэт, известный антимещанскими инвективами («Вот так я сделался собакой»

(1915), «О дряни» (1921) и пр.), в 1915–1916 гг. печатался в «Новом Сатириконе», – у Булгакова же, по логике травестики, «Маяковский» уподоблен объекту сатириконских сарказмов.

Добавим, что в конце того года, когда вышел номер журнала, посвященный «Ивану Ивановичу Иванову», Маяковский предпринял турне по России вместе с двумя другими футуристами – Каменским и Бурлюком. В январе 1914 г. они выступали в Киеве, и тогдашний киевский студент Булгаков, даже если не посещал поэтические вечера, мог узнать о них из газет [см.: Харджиев 1997: 13, 33]. В контексте нашей темы примечательны имена трех поэтов-гастролеров: Владимир Владимирович, Василий Васильевич и Давид Давидович – случайная «однотипность» (которую они сами акцентировали) воспринималась как элемент футуристического эпатажа [см.: Каменский 1968: 156]. Таким образом, в «Записках на манжетах» таутоним является знаком литературной аллюзии, элементом сложной игры (подробнее о взаимопародировании Булгакова и Маяковского – в нашей статье «Они сошлись...»).

Что касается булгаковских инсценировок – здесь о персонажах-носителях таутонимов трудно сказать нечто содержательное. В пьесе «Мертвые души» (1931) это жандармский полковник Илья Ильич [6: 324] (в поэме имя принадлежит неизвестному жителю города NN [см.: Гоголь 1937–1952-6: 156]), чья меркантильность позволяет Чичикову избежать суда и покинуть город. В пьесе «Война и мир» (1932), как и в толстовском романе, имеется второстепенный персонаж Степан Степанович Апраксин [6: 397]; у Толстого его фамилия – Адраксин [Толстой 1940: 94], Булгаков же использовал реальную фамилию прототипа – С.С. Апраксина. Но никаких специальных мотивировок этих двух поэтонимов в булгаковских текстах, по-видимому, нет.

Перейдем к таутономам, принадлежащим «собственно» Булгакову. Для начала перечислим соответствующих персонажей в алфавитном порядке имен и по хронологии произведений (указывается страница, на которой конкретный таутоним упомянут впервые):

1. Альберт Альбертович [5: 424] – роман «Записки покойника».
2. Андрей Андреевич [5: 506] – «Записки покойника».
3. Антон Антонович Княжевич [5: 395] – «Записки покойника».
4. Арнольд Арнольдович [5: 435] – «Записки покойника».
5. Артур Артурович [2: 45] – повесть «Дьяволиада».
6. Артур Артурович [4: 282] – драма «Бег».

7. Арчибальд Арчибальдович [7: 78] – роман «Мастер и Маргарита».
 8. Виктор Викторович Мышлаевский [1: 87; 4: 6] – роман «Белая гвардия» и пьеса «Дни Турбиных» (1926).
 9. Влас Власович Власов [3: 431] – фельетон «Повестка с государем императором».
 10. Ларион Ларионович Суржанский [1: 219; 4: 14] – «Белая гвардия» и «Дни Турбиных».
 11. Леонтий Леонтьевич [2: 345] – «Тьма египетская» (из цикла «Записки юного врача»).
 12. Леопольд Леопольдович [2: 270, 323] – рассказы цикла «Записки юного врача»: «Полотенце с петухом» и «Тьма египетская».
 13. Назар Назарыч [3: 365] – фельетон «Рассказ Макара Девушкина».
 14. Петр Петрович [5: 390–391] – «Записки покойника».
 15. Петр Петрович Бомбардов [5: 464] – «Записки покойника»
 16. Полиграф Полиграфович Шариков [2: 216] – повесть «Собачье сердце».
 17. Ричард Ричардович [6: 562] – план последней пьесы (1939).
 18. Савелий Савельевич [6: 21] – пьеса «Адам и Ева».
 19. Телеграф Телеграфович [2: 248] (пародийная форма имени Полиграф Полиграфович) – Собачье сердце».
 20. Феликс Феликсович Най-Турс [1: 312] – «Белая гвардия».
 21. Ферапонт Ферапонтович Капорцев [3: 665] – фельетон «Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева».
 22. Филипп Филиппович Преображенский [2: 152] – «Собачье сердце».
 23. Филипп Филиппович Тулумбасов [5: 432] – «Записки покойника».
- (Сюда не входят таутонимы, возникавшие в черновых редакциях романа «Мастер и Маргарита» на разных этапах работы и исключенные автором:
- Николай Николаевич [Булгаков 2014-1: 90];
 - Антон Антонович Берлиоз [Булгаков 2014-1: 109];
 - Александр Александрович Берлиоз [Булгаков 2014-2: 92].)

Часть представленных в списке персонажей (№ 1, 4, 9, 13, 18, 21) – эпизодические, однократно упоминаемые, их таутонимы не

играют особой роли. Например, тот факт, что имя Влас Власович Власов создано по модели «Ивана Ивановича Иванова», не вносит в содержание фельетона ничего нового, разве что добавляет в образ персонажа элемент условности. Малочастотные имена Альберт Альбертович, Арнольд Арнольдович, видимо, соответствуют «странной» атмосфере романа «Записки покойника», где, кстати, число таутонимов (семь) гораздо выше, чем в других текстах Булгакова («Белая гвардия» – три; «Дни Турбиных» и «Собачье сердце» – по два).

В ряде случаев есть возможность реконструировать (хотя бы предположительно) мотивировку таутонима, проследить отсылку к реальному человеку, историческому либо литературному персонажу. Так, в «Записках покойника» администратор Учебной сцены Петр Петрович (без фамилии), «мрачный и замкнутый» [5: 390–391], – это администратор Второй студии МХАТа, затем артист театра Иван Иванович Гедике (игравший, кстати, лакея Федора в спектакле «Дни Турбиных»): сохранив таутоним, Булгаков заменил одно распространенное имя на другое.

Прототип «заведующего приемом пьес» в Независимом театре Антона Антоновича Княжевича [5: 395] – Василий Васильевич Лужский³, актер и режиссер МХАТа. Имя Антон Антонович напоминает о двух литературных персонажах: Загорецком из «Горя от ума», охарактеризованном как «отъявленный мошенник, плут» [Грибоедов 1995: 80], и корыстном Городничем из комедии «Ревизор». Вместе с тем можно (с большой осторожностью) предположить, что выбор таутонима обусловлен ассоциацией с поэтом Антоном Антоновичем Дельвигом: на выпущенной в 1903 г. открытке с фотографией Лужского⁴ он в овальных очках, напоминающих очки Дельвига на известном портрете (1830) работы В.П. Лангера и гравюре Ф.П. Бореля⁵; фамилия Княжевич, возможно, пародирует баронский титул Дельвига.

В тех же «Записках покойника» прототипом первого помощника режиссера по имени Андрей Андреевич послужил помощник режиссера во МХАТе Николай Николаевич Шелонский. Новое имя (*греч.* άνδρός – муж, мужчина) по смыслу подобно имени прототипа (Николай – *греч.* «победитель»), подчеркивая стойкость и сугубое терпение Андрея Андреевича в атмосфере интриг, беспрерывно затеваемых склочным дирижером Романусом [5: 503–508].

Николаем Николаевичем звали и человека, выведенного в романе «Белая гвардия» под именем Виктор Викторович Мышлаевский. По мнению родственников писателя, подразумевается друг детства и юности Булгакова

Н.Н. Сынгаевский, который, в отличие от романного персонажа, занимался балетом и женился на балерине Б.Ф. Нижинской, когда та в конце 1910-х гг. работала в Киеве, а затем уехал с ней в эмиграцию. Личное имя персонажа представляет собой кальку греческого имени прототипа (Виктор – *лат.* «победитель»).

Указание на «удвоенное» имя прототипа содержится также в таутониме Ларион Ларионович (Илларион Илларионович) Суржанский. Его прототипом считается свойственник писателя (двоюродный брат мужа сестры) Николай Николаевич Судзиловский. Фамилия Суржанский, во внутренней форме которой есть сема соединения разнородных элементов (ср.: суржа, суржанка – смесь пшеницы с рожью в посевах или в зернах [см.: СРНГ 2008: 276–277]), возможно, намекает на сложную биографию Судзиловского, повлиявшую на фамилию и отчество: при рождении его звали Николай Владимирович Капацын – фамилия и отчество изменились после усыновления мальчика семьей Судзиловских [см.: Ковалинский 1999]. При этом имя персонажа, вероятно, мотивировано именем двоюродной сестры (дочери брата отца) писателя Иларии Михайловны Булгаковой, жившей с родителями в Холме Люблинской губернии (ныне г. Хелм в Польше). В 1910-х гг. Илария училась на женских курсах в Киеве и несколько лет жила в семье Булгаковых. Ее имя восходит к *греч.* ἰλαρός – «веселый, радостный»; соответственно в таутониме Лариосика подчеркнута его комичность.

Прототип персонажа «Записок покойника» Филиппа Филипповича Тулумбасова – администратор МХАТа Федор Николаевич Михальский. Сходство онимов здесь незначительно: одинаковый инициал имени и подобие уменьшительных форм: Федя / Филя. Правомерным кажется предположение [см.: Яновская 1983: 66], что диминутив и личное имя в романе мотивированы фамилией другого известного Булгакову человека той же профессии: в 1920 г. во Владикавказском театре был администратор Филь (он значится, например, на программе Пушкинского вечера 26 октября 1920 г., в котором принимал участие Булгаков). Тождество с таутонимом профессора Преображенского (см. ниже) в «Записках покойника» вряд ли существенно, скорее автор романа подразумевал значение греческого имени Филипп – «любящий коней». Символом и эпицентром Независимого театра для Максудова является золотой конь [5: 390, 393], а возможность для «простых» людей проникнуть к нему зависит именно от Фили, поскольку тот распоряжается театральными билетами и контрамарками. Отметим также, что в фамилии Тулумбасов, которая на первый взгляд ассоциируется с большим турецким барабаном (этот инструмент упоминается,

например, в романе «Мастер и Маргарита» в сцене похорон Берлиоза [7: 271]), актуализировано шутливо-просторечное значение слова «тулумбас» – председатель пиршества, попойки [см.: Ушаков 2000: 825]; как явствует из дневника жены писателя, Михальский и Булгаков неоднократно участвовали в общих застольях.

Своеобразный пример в плане аллюзий – «внесценический» персонаж «Записок юного врача» по имени Леопольд Леопольдович. Таутоним воспроизводит реальное имя прототипа: видимо, по мнению автора, оно звучало достаточно экзотично и потому подходило для персонажа, наделенного «сверхчеловеческими» возможностями. За полтора года до приезда Булгакова в лечебный пункт Никольское Смоленской губернии им заведовал земский врач Леопольд Леопольдович Смирчек, который служил там с ноября 1902 г. по март 1914 г., имел огромный опыт, пользовался любовью у крестьян [см.: Стеклов 2001: 108]. Как для самого писателя, так и для его героя Леопольд Леопольдович – человек «почти» знакомый (по рассказам медперсонала); вместе с тем для Юного врача «Леопольд» – сакральное существо, к профессиональному уровню которого герой лишь мечтает приблизиться.

Именами знакомых писателя мотивированы также таутонимы в ранних редакциях «Мастера и Маргариты»: Николай Николаевич, как отмечалось, аллюзия на филолога Н.Н. Лямина. Имя Берлиоза в редакции 1938 г. – Александр Александрович – возможно, намек на А.А. Фадеева, который как раз в этом году стал возглавлять Союз писателей. Имя Берлиоза в более ранней редакции, Антон Антонович, как и в рассмотренном случае с Княжевичем, может напоминать о грибоедовском Загорецком и/или гоголевском Городничем. Если же учесть, что одним из прототипов Берлиоза считается А.В. Луначарский, носивший пенсне со стеклами овальной формы⁶, то не исключено, что отмеченная ассоциация с А.А. Дельвигом сыграла роль и здесь (вспомним «исконную» фамилию Луначарского⁷, которая в сочетании с именем напоминает имя и отчество Дельвига).

Среди наделенных таутонимами персонажей Булгакова есть и такой, чьим прообразом явился, по-видимому, сам писатель. В романе «Записки покойника» создан двойной «автопортрет»: автобиографические черты присутствуют не только у «нежизнеспособного» (движущегося к самоубийству) главного героя Максудова, но и у его «умудренного» двойника, театрального «гида» Петра Петровича Бомбардова. Здесь фактически повторена мотивная структура рассказа «Морфий», где дневник самоубийцы Полякова представляет собой «записки покойника», а фамилия

другого героя, Бомгард, предвосхищает фамилию Бомбардов. Имя последнего вызывает ассоциации с Петром Первым, это сочетание фонетически близко к таутониму Бомбардова – Петр Петрович. Аллюзию на императора содержит и фамилия персонажа. В романе А.Н. Толстого «Петр Первый» (кстати, в 1930 г. спектакль по этому роману был поставлен во Втором МХАТе) читаем: «Петра при войске приказано именовать бомбардиром Петром Алексеевым» [Толстой 1959: 283]. Сравним в булгаковском либретто «Петр Великий» (1937) реплику Меншикова: «Вторую чарку Михайлову Петру, преображенцу бомбардиру!» [Булгаков 1999: 207]. Дополнительный аргумент «самоотожествления» с Петром – родственность царского псевдонима Михайлов и имени самого Булгакова⁸.

В произведениях писателя встречаем ряд персонажей, чьи таутонимы отсылают к историческим личностям различных эпох. С историческими ассоциациями связан и таутоним Филипп Филиппович Преображенский – характерно сравнение персонажа с «французскими рыцарями» [2: 152] и «французским древним королем» [2: 243]. Прослеживаются связи Преображенского с Филиппом IV Красивым, «Железным королем» (сыном Филиппа III – ср. «Филипп Филиппович»), который в начале XIV в. вел борьбу с орденом тамплиеров: булгаковский персонаж ассоциируется одновременно с рыцарем и с королем, уничтожившим рыцарей [см.: Яблоков 2014: 93–95].

Интересен образ Ричарда Ричардовича – персонажа не написанной, а лишь задуманной Булгаковым в 1939 г. пьесы под условным названием «Ричард I», запись о которой была сделана Е.С. Булгаковой уже после смерти писателя [6: 667–668]. Судя по характеризующей героя фразе «Ричард – Яго» [6: 563], в образе высокопоставленного злодея выведен расстрелянный в 1938 г. бывший председатель ОГПУ и нарком НКВД Генрих Григорьевич Ягода, созвучные имя и отчество которого похожи на таутоним (кстати, в романе «Мастер и Маргарита» не названные по именам Ягода и его секретарь Буланов появляются на балу у Воланда [7: 328–329]). Образ «Ричарда I» вызывает ассоциации с Ричардом Львиное сердце – который, однако, не «Ричардович», поскольку был сыном Генриха II. Имена Ричард и Яго, разумеется, указывают на шекспировский контекст: здесь «подходящий» персонаж – Ричард III, отцом которого являлся Ричард Йоркский. Аморальный Ричард III идет к власти по трупам, но в итоге гибнет; самоубийством должна была завершиться и судьба булгаковского Ричарда Ричардовича.

Травестийным намеком на одну из известнейших в английской истории личностей выглядит образ Артура Артуровича в драме «Бег» – характерно, что первоначально пьеса носила название «Рыцарь Серафимы». «Вертушка» с тараканьими бегами [4: 338], повелителем которой является «тараканий царь» [4: 282] Артурка, пародирует круглый стол короля Артура из британского эпоса. Что касается таутонима, он в данном случае, вероятно, должен свидетельствовать об «инфернальности» носителя. Такими же маркерами «роковых» персонажей служат «удвоенные» имена Артур Артурович в «Дьяволиаде» и Арчибальд Арчибальдович в «Мастере и Маргарите».

Нечто подобное можно сказать про Полиграфа Полиграфовича Шарикова. Он выбирает себе в качестве номинации не одно имя, а «целый» таутоним – судя по всему, новоявленный «человечек» [2: 211] бездумно берет пример с профессора, подражая сочетанию Филипп Филиппович. Поскольку имя удвоено, оно в соответствии с русской ономастикой должно свидетельствовать о том, что герой объявляет себя не просто «машиной» (московский трест «Полиграф» снабжал полиграфические предприятия оборудованием и материалами), но и «сыном машины». Для этого есть некоторые основания: фамилия «донора» («предка» и вместе с тем двойника Шарикова), Чугункин, ассоциируется с чугушкой – старым названием железной дороги, наряду со словом «железянка» [см.: Даль 1909: 1379].

В подтексте «имянаречения» Шарикова – эпизод «Шинели», где мать новорожденного, обнаружив в святцах ряд неблагозвучных имен, решает назвать младенца по отцу: Акакием [см.: Гоголь 1937–1952-3: 143]. При этом родильница странным образом именуется «старухой» и «покойницей».

...Если прибавить к этому и покойного отца («отец был Акакий»...), причем контекст подводит к тому, что это было уже давно (что несколько противоречит реальности), то странность происхождения героя, изначально связанного с загробным миром... и как бы родившегося от покойников, не может не обратить на себя внимания [Цивьян 2008: 276].

В повести Булгакова ситуация не менее странная: герой сам находит себе имя и отчество в календаре, функционально подобном святцам, – сам себя «крестит» и «назначает» себе отца; это вполне корреспондирует с инфернальными коннотациями Шарикова.

Приведенные наблюдения подтверждают тезис об особой роли таутонимов в художественном мире Булгакова. Характерно,

что значительная их часть (не менее десяти) создана на основе экзотичных, не слишком привычных для русского уха (иногда, как в случае с Полиграфом Полиграфовичем, вовсе небывалых) имен, которые выглядят еще необычнее в «удвоенном» варианте. Часто таутонимом маркируется персонаж, связанный (в серьезном или пародийном плане) с потусторонним миром, предстающий онтологическим «перевертышем», наделенный «сверхчеловеческими» способностями. Вместе с тем ряд носителей таутонимов у Булгакова являются незначительными, эпизодическими персонажами; в подобном случае экзотичное имя – один из признаков общей «карнавальности» художественного мира. Отметим также, что тождество личного имени и патронима здесь не сигнализирует о характерологическом сходстве персонажа с его отцом, поскольку соответствующая информация в булгаковских произведениях отсутствует.

¹ У Гоголя их меньше (по нашим подсчетам – 18):

- Акакий Акакиевич Башмачкин [Гоголь 1937–1952-3: 142] («Шинель»);
- Антон Антонович Сквозник-Дмухановский Гоголь 1937–1952-4: 7] («Ревизор»);
- Балтазар Балтазарович Жевакин [Гоголь 1937–1952-5: 22] («Женитьба»);
- Иван Иванович Ерошкин [Гоголь 1937–1952-3: 142] («Шинель»);
- Иван Иванович Перерепенко [Гоголь 1937–1952-2: 219, 250], а также гости на ассамблее у миргородского городничего: «...Тарас Тарасович ... Евтихий Евтихиевич, Иван Иванович – не тот Иван Иванович, а другой... Елевферий Елевфериевич» [Гоголь 1937–1952-2: 264] («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»);
- Лука Лукич Хлопов [Гоголь 1937–1952-4: 7] («Ревизор»);
- Николай Николаич [Гоголь 1937–1952-4: 121] («Развязка “Ревизора”»);
- Петр Петрович Петух [Гоголь 1937–1952-7: 49] («Мертвые души»);
- Петр Петрович [Гоголь 1937–1952-4: 121] («Развязка “Ревизора”»);
- Пифагор Пифагорович Чертокуцкий [Гоголь 1937–1952-3: 179] («Коляска»);
- Семен Семеныч [Гоголь 1937–1952-4: 121] («Развязка “Ревизора”»);
- Федор Федорович Перекроев [Гоголь 1937–1952-6: 170] («Мертвые души»);
- Федор Федорович [Гоголь 1937–1952-5: 118] («Лакейская»);
- Федор Федорыч [Гоголь 1937–1952-4: 121] («Развязка “Ревизора”»).

²Тексты Булгакова цитируются по [Булгаков 2007–2011] с указанием тома и страницы.

³ Он доводился свойственником Булгакову: сын В.В. Лужского, тоже актер МХАТа, Е.В. Калужский был мужем О.С. Бокшанской – сестры Е.С. Булгаковой.

⁴ См.: <https://vivaldi.nlr.ru/lo000070976/view>

⁵ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/File:Anton_Delvig_2.jpg

⁶ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Луначарский,_Анатолий_Васильевич

⁷ Родным отцом Луначарского был А.И. Антонов – соответственно, ребенка первоначально звали Анатолием Антоновым (новую фамилию, а также новое отчество он унаследует от отчима).

⁸ Кстати, под псевдонимом Михайлова в 1920–1921 гг. выступала во владикавказском театре первая жена Булгакова [см.: Кисельгоф 1991: 82; 8: 17].

Литература

- Белый 1981 – *Белый А.* Петербург. М., 1981.
- Булгаков 1999 – *Булгаков М.А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1999. Т. 8.
- Булгаков 2007–2011 – *Булгаков М.А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 2007–2011.
- Булгаков 2014 – *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита: Полн. собр. черновики романа. Основной текст: В 2 т. М., 2014.
- Гоголь 1937–1952 – *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. [В 14 т.] 1937–1952.
- Грибоедов 1995 – *Грибоедов А.С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб, 1995. Т. 1.
- Даль 1909 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: [В 4 т.] СПб; М., 1909. Т. 4.
- Каменский 1968 – *Каменский В.В.* Путь энтузиаста. Пермь, 1968.
- Кисельгоф 1991б – *Кисельгоф Т.Н.* Из семейной хроники Михаила Булгакова // Паршин Л.К. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М., 1991.
- Ковалинский 1999 – *Ковалинский В.В.* Он был Лариосиком // Зеркало недели: Украина. 1999. № 17.
- Кондакова 2001 – *Кондакова Ю.В.* Принципы инфернальной ономастики в художественных мирах Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа). Екатеринбург, 2001.
- Литературная жизнь 2005 – Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1: В 2 ч. М., 2005. Ч. 2.
- Пеньковский 2004 – *Пеньковский А.Б.* Очерки по русской семантике. М., 2004.
- Подольская 1988 – *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М., 1988.
- СРНГ 2008 – Словарь русских народных говоров. СПб, 2008. Вып. 42.
- Стеклов 2001 – *Стеклов М.Е.* «Да, господа, это вам не Франция»: М. А. Булгаков на Смоленщине // Край Смоленский. 2001. № 11–12.
- Толстой 1940 – *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1940. Т. 11.

-
- Толстой 1959 – *Толстой А.Н.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. 7.
- Ушаков 2000 – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. М., 2000. Т. 4.
- Харджиев 1997 – *Харджиев Н.И.* Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т. 2.
- Цивьян 2008 – *Цивьян Т.В.* Язык: тема и вариации. Избранное: В 2 кн. М., 2008. Кн. 1.
- Яблоков 2001 – *Яблоков Е.А.* Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001.
- Яблоков 2014 – *Яблоков Е.А.* Хор солистов: Проблемы и герои русской литературы первой половины XX века. СПб, 2014.
- Яновская 1983 – *Яновская Л.М.* Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983.